

ИРИНА НИКОЛАЕВНА РУЖИНСКАЯ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
rin@petrsu.ru

СХИИГУМЕН ЛУКА (ЗЕМСКОВ): ПРАВОСЛАВНОЕ МОНАШЕСТВО В РЕАЛИЯХ XX ВЕКА

Исследуется жизненный путь и духовное служение иеромонаха Луки (1880–1968). Данный пример позволяет рассмотреть эволюцию Валаамского монастыря под влиянием внешних обстоятельств и особенностей внутреннего развития. Основную часть источникового корпуса представляет эпистолярное наследие о. Луки, частично опубликованное, но малоизученное. Систематизация и сравнение документального массива дают возможность анализа монашеского опыта в несении послушаний, в молитвенном делании, в миссионерстве. Изучение данного опыта свидетельствует о преемственности традиций российского старчества от Валаамского монастыря к Псково-Печерской обители. Анализ источников позволяет сделать вывод, что через старчество Валаамский монастырь продолжал оставаться духовным центром для представителей российской эмиграции вне политических границ. Более того, духовно-практический опыт схиигумена Луки не утратил своего значения. Напротив, административно-управленческие и пастырско-миссионерские формы деятельности «гостинника» Луки особенно актуальны в наши дни при организации паломнических служб монастырей, функционировании индустрии туризма, при работе со всеми, кто посещает святыни православного мира.

Ключевые слова: православие, Валаам, монашество, паломничество, старчество, российская эмиграция

В ряду тем, вызывающих пристальное внимание научного сообщества, находится новейшая история Русской православной церкви. Это объяснимо целым рядом обстоятельств: сменой идеологической парадигмы, возрождением православных традиций, выявлением документов, позволяющих объективно исследовать вопросы жизнедеятельности православных сообществ в условиях XX века. Ярким примером такого рода является история Валаамского Спасо-Преображенского монастыря. Насельникам обители пришлось сохранять святоотеческие традиции православия в трагичное для православия время – эпоху политических конфликтов и демографических модернизаций [1]. На этом фоне изучение жизни и духовного опыта схиигумена Луки (Земскова) представляет особый интерес. Приняв монашество на Валааме в период расцвета обители, он был свидетелем «финского» периода истории монастыря, передавая впоследствии духовный опыт насельникам Псково-Печерской обители на территории СССР. Долгие годы он нес одно из самых сложных для монаха послушаний «гостинника», заведующего гостиничным хозяйством обители, поэтому находился в непрерывном общении с паломниками и туристами Валаама. Со многими посетителями монастыря его общение не прерывалось годами, составив интересное эпистолярное наследие [2], [3] и явив достойный пример христианского служения старца своим духовным чадам. Научный интерес к феномену валаамского старчества,

истории монастыря в 20–50-е годы XX века сегодня очевиден. Подтверждением этого являются работы последних лет – исследования представителей Русской православной церкви о. Д. Шатова¹ и о. С. Третьякова [4], а также светских историков [5], [7]. Опираясь на архивные источники фондов Финляндского Ново-Валаамского и Спасо-Преображенского Валаамского монастырей воссоздается комплексная картина монашеской жизни обители в первой половине XX века. При этом малоизученными остаются персоналии валаамской братии: их биографии, духовный опыт, формы взаимодействия с «миром», особенности «монашеского делания». Таким образом, целью работы является исследование феномена валаамского старчества на примере жизнедеятельности схиигумена Луки (1880–1968). Достижение поставленной цели осуществляется через разрешение ключевых задач: определение формы «монашеского делания» о. Луки, выявление отражения истории монастыря в эпистолярном наследии монаха, анализ круга духовных чад старца, уровня их взаимных контактов. Такой подход дает возможность рассмотреть пути реализации миссии Валаамского монастыря как сакрального центра в один из самых сложных периодов XX века – эпоху разделения государств, народов и церквей.

Схиигумен Лука, тогда еще Яков Савельевич Земсков, прибыл на Валаам в июне 1905 года. Исследуя побудительные мотивы, приведшие 24-летнего крестьянина на Северный Афон, надо признать чрезвычайно ограниченный круг

документальных материалов по этому вопросу. Ни в дневниковых записях², ни в письмах он ничего не сообщает о своей семье, детстве, обстоятельствах выбора Валаамской обители для «душеспасительного делания». Наше понимание «домонастырского» периода жизни о. Луки частично восполняется исследованием местности, где родился и вырос будущий подвижник православия. Он происходил из деревни Годеново³ Ростовского уезда Ярославской губернии – уникального историко-культурного пространства России. С древнейших времен это был ареал мерянской культуры, сохранившейся в самобытных топонимах, курганах и мифологии⁴ края. Здесь, в некогда лесном и болотистом крае, совершали аскетические подвиги ученики и последователи прп. Сергия Радонежского, основав множество монастырей Северной Фиваиды. По преданию, в 1423 году на Сахотском болоте вблизи Годеново был обретен Животворящий Крест Господень⁵, почитаемый многими поколениями верующих до наших дней. Посреди Годеново местные жители воздвигли храм, освященный во имя свт. Иоанна Златоуста. Изначально церковь была деревянной, а в 1794 году на ее месте крестьянская община воздвигла пятиглавый каменный храм с колокольней⁶, ставший не только ландшафтным центром Златоустовского прихода, но и символом духовного единства жителей. Большую роль в этом сыграл авторитет местного духовенства – представителей знаменитого рода священнослужителей Апеллесовых. Их пастырская деятельность была многогранна: строительство часовен над чудотворными источниками, крестные ходы к православным святыням края, создание церковно-приходской школы. Такое единство пастырей и паствы укрепляло православные традиции прихожан с детства, способствовало социальной взаимопомощи жителей. Закономерно, что в годы «безбожных пятилеток» именно годеновская община сохранила от разрушения и Животворящий Крест Господень, и Златоустовский храм. Возможно, на выбор Яковом Земсковым жизненного пути повлияло и обстоятельство болезни, по причине которой его не призвали в армию. Мучительный недуг позвоночника сопровождал о. Луку всю жизнь, но укрепил духовное смирение старца «к скорбям и болезням». Получив благословение родителей, Яков отправился на Валаам «молиться за весь род».

Валаамская обитель начала XX века была знаменита строгим уставом монашеской жизни, «духоносными» старцами, образцовым хозяйством, прекрасной природой, настраивавшей на «красоту мира Божиего»⁷. Это не могло не привлекать тех, кто смыслом Богообщения видел монашеский путь на «острове спасения». Среди обстоятельств выбора Я. С. Земсковым Валаама мог присутствовать и фактор «землячества» – наличия земляков в составе братии. За два ме-

сяца до прихода Якова на Валаам там скончался знаменитый старец схимонах Агапий (Молодяшин), выходец из Ростовского уезда. Послушание келейника о. Лука нес у наместника, а впоследствии валаамского игумена Маврикия (Баранова), также уроженца Ярославской губернии. Именно он совершил монашеский постриг над Я. С. Земсковым летом 1912 года. Сохранившиеся дневниковые записи о. Луки 1909–1911 годов свидетельствуют, насколько тщательно и предельно осознанно готовился он к этому шагу. Его дневник – это, по сути, «Отчник», состоящий из выписок творений Святых Отцов Церкви: прп. Парфения Киевского, иеромонаха Амвросия Оптинского, свт. Феофана Затворника, житийной литературы, молитв [3: 140–146]. Святоотеческое понимание монашества как проявления любви к Богу и людям, глубокого смирения, самоотверженного послушания, единения с духовным отцом, искреннего покаяния, сердечной молитвы «за весь мир» утверждало молодого монаха во внутреннем и внешнем «делании». Его отличало внимательное изучение писем свт. Феофана Затворника из сборника «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться». Книга совмещала теоретические основы богословия с ценными практическими советами «спасающимся во Христе». Задаваясь вопросом: «Что в жизни сей нужно?», монах Лука отвечает в дневнике словами иеромонаха Амвросия: «...нужен сочувственный взор, ласковое слово, нужно сознание, что нас любят и нам верят, нужно то, что в мире самое редкое и самое великое сокровище – сердце внимательное» [3: 142]. Глубокое проникновение в смысл сказанного особенно заметно проявилось в несении гостиничного послушания о. Луки и общении с духовными чадами будущего старца.

1917–1922 годы являлись очень сложным временем в истории монастыря, ознаменованным масштабными процессами государственно-политического и церковно-административного характера. Однако это же время было отмечено чрезвычайно важными событиями в жизни монаха Луки. Он окончил монастырскую богословскую школу, был хиротонисан во дьякона, а затем во священника и назначен в постоянное послушание гостинника. Чтобы понять всю сложность и ответственность этого служения, надо представлять, что гостиница при монастыре, особенно крупном и часто посещаемом, это некая граница, разделяющая мир молитвенного уединения и пространство, из которого каждый монах когда-то ушел, «отвергаясь себя» (Мф. 16: 25). Но эта же «граница» могла стать видимым свидетельством «страннолюбия», как добродетели, основанной на христианской любви: «Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» (1 Ин. 4: 7–8). Так монастыри «служили миру»: являли зримые примеры богоугодной жизни, социально-экономической поддержки,

духовной помощи, ибо «через страннолюбие некоторые, не зная, оказали гостеприимство Ангелам» (Евр. 13: 2). Именно гостиница монастыря, этот «странноприимный дом», должна была стать пространством, в котором странник мог почувствовать единство «во Христе». Конечно, гостиница монастыря не меняла человека, но она была частью пространства, где «ищущий Бога» мог измениться. Не случайно в древнехристианских монастырях пришедшего в обитель отдавали под начало гостинника, испытывая способность новичка к монашеской жизни⁸. Таким образом, заведение гостиницей Валаамского монастыря налагало на о. Луку ответственную миссию «рачительного служения» приезжающим: духовно-просветительского, организационно-административного и благотворительного. Очень чуткий в миссионерском плане, о. Лука смог организовать такую гостиничную службу, которая позволяла людям разной степени веры, социальной, половой, возрастной и этнической принадлежности увидеть пример евхаристической общины. Многолетняя переписка о. Луки с посетителями Валаама свидетельствует, что «для православных паломников обитель была духовной лечебницей» [3: 150]. Побывав в монастыре, люди возвращались в «свои места с душевным миром» [3: 151], получив «залог духовный» [3: 148]. Особенно ярко это проявилось тогда, когда Валаам оказался «за границей», на территории независимой Финляндии межвоенного периода. В эти годы миссия монастыря значительно расширилась. Это был уже не только «остров веры». Для представителей российской эмиграции это была зримая часть дореволюционной России, символ родной культуры и страны, потерянной в трагических событиях Гражданской войны. Иностранцев Валаам привлекал удивительной природой, красотой храмовой иконописи и архитектуры, загадочным миром православной братии. Эти изменения очень точно подметил о. Лука: «Приезжие бывают разнообразные. Конечно, русские нам ближе. Мы тот час разбираем, кто православные паломники и посещают службы, кто туристы»⁹. В свою очередь, одно из самых ярких описаний «хозяина гостиницы» дал писатель Б. К. Зайцев. О. Лука – «худой, слегка согбенный, в белом подряснике, с черной бородой, с иконописным лицом, прекрасными, как бы мистическими глазами; он медлен, сдержанно серьезен, спокоен, задумчив, с глубокой внутренней воспитанностью»¹⁰. При этом писатель искренне удивлялся, как при внешней неторопливости, при таком «непрерывном притоке и оттоке приезжающих» о. Лука все успевал: встречал, кормил, «упокоивал», разъяснял, раздавал ключи, ведь «целый день обращались к нему разными мелочами». Возможно, что объяснение этому было в самой природе монашеского послушания. То, что для писателя было «мирским делом», для

о. Луки являлось проявленной любовью к Богу, прпп. чудотворцам Валаамским и людям, приехавшим в святую обитель.

Являясь деятельным членом братства, о. Лука не мог остаться в стороне от внутренних проблем монастыря в вопросах гражданства, «календарных споров», обернувшихся 20-летним «нестроением» братии. Часть валаамцев была выслана с острова. Дальнейшая жизнь многих из них стала достоянием православной истории Европы и Америки. Иеромонах Лука, лишившись подданства Российской империи, не принял финляндского гражданства и заявил о твердой приверженности старому стилю. За «нарушение порядка и монастырского устава» в 1926 году церковный суд лишил о. Луку права священнослужения. Он же стал изучать историю христианства, события «великой схизмы», вероучительную суть инославных конфессий, делая вывод о недопустимости канонического общения с нарушителями Предания. На страницах дневника о. Луки, относящегося к этому периоду, изобилуют выписки из житийной литературы для духовного укрепления в правильности выбранной позиции. Он обращается к опыту св. Феодора Студита, боровшегося с ересью иконоборчества, св. Максима Исповедника, отстаивавшего незыблемость церковных традиций: «Монах есть земной ангел и жизнь его должна быть ангельской... Дух Святой предаст анафеме даже Ангелов, если они стали бы благовествовать иначе, внося что-либо новое» [3: 143]. Братство мучительно переживало отсутствие единства, но в конечном итоге каждый насельник делал личностный выбор, сообразуясь с осознанием высокой миссии Валаама и представлением о цели собственного монашеского служения. К 1935 году о. Лука так и не принял гражданства Финляндии, но «принес покаяние» и был восстановлен в праве богослужения. Среди причин данного шага не последнюю роль сыграло попечение гостиника Луки о «странноприимстве». Потребность туристов, а в особенности паломников, в прикосновении к таинству евхаристии, к миру святости в обители прпп. Сергия и Германа не должна была омрачаться «нестроениями» братства. Действительно, в конце 20-х–30-е годы прошлого века поток тех, кто стремился посетить Валаам, заметно ширился. Среди причин подобного явления было множество факторов, один из них – феномен так называемой религиозной весны русской эмиграции. Очень показательно это на примере «териокских посетителей» Валаамского монастыря. Териоки (Terijoki)¹¹, излюбленная территория дачного отдыха петербуржцев дореволюционной России, к 30-м годам XX века стала своеобразной столицей Карельского перешейка, неким мостом советско-финляндского пространства и своеобразным центром «русской колонии». Общественная жизнь Териок того времени была чрезвычайно

активна: концерты духовной и светской музыки, спортивные соревнования, литературно-музыкальные вечера, скаутское движение. Здесь сложилась устойчивая культурная традиция, основанная на русском языке и культурных ценностях дореволюционного времени. Несмотря на поликонфессиональное пространство Териок (лютеране, католики, мусульмане), определяющей доминантой был православный приход, организовывавший поездки на Валаам. Значительное место в жизни териокской православной общины играл князь А. В. Оболенский, крупный чиновник имперской России, один из лидеров партии октябристов. В Финляндии на оз. Иматра князь имел усадьбу; позднее он купил в Териоках дом и всю жизнь помогал Валааму материально: «Здесь уголок России, где еще все так, к чему мы привыкли и душевно, и духовно, – здесь Святая Русь»¹². А. В. Оболенский являлся ревностным исповедником православия, имел в доме «моленную», регулярно посещал церковные службы, исповедовался, причащался, особенно в поездках на Валаам. Многолетнее духовное общение о. Луки и А. В. Оболенского нашло отражение в их переписке. Князя, половина жизни которого прошла вдали от России, о. Лука утешает пастырским благословением: «Вы, где ни будете жить, жить будете своею внутренней жизнью». В то же время духовно опытному князю о. Лука доверяет и глубоко личное, словно исповедуясь: «...думаю о загробной жизни, о светлом будущем обители... Придет день и час, что надо предстать пред Богом и дать ответ за свою жизнь, но не нахожу дел, оправдывающих меня, всю надежду мою возлагаю на Его милость» [2: 296].

Помимо Валаама «териокские обитатели» часто ездили к православным святыням независимой Эстонии – в Пюхтицкий и Псково-Печерский монастыри. В этих православных центрах русскоязычные жители Финляндии и Эстонии соприкасались достаточно часто. Лица более старшего возраста были знакомы еще по «петербургскому» периоду, а молодежь – по участию в акциях Русского студенческого христианского союза. События 1917–1922 годов сформировали достаточно сложный состав православных общин Эстонии. Представители белых армий, беженцы, опанты, политические и этнические эмигранты оказались на территории независимой Эстонии в не менее сложных условиях, чем в Финляндии. Перенос на инациональную почву такого масштабного общественно-культурного строя с доминантой русского языка сопровождался стремлением замкнуться на собственной идентичности, сохранить прежний мир с его духовными ценностями и передать традиции молодому поколению¹³. Несмотря на этнические, социальные и политические различия, этих людей объединяло православие, а Церковь становилась смыслом Бытия. К прпп. Сергию и Герману Ва-

лаамским ездили «соборно»: семьями, родители с детьми, школьники с учителями, прихожане со своими пастырями. Как раз с большинством из них общался неизменный «хозяин» гостиницы о. Лука. Примечательно, что со многими посетителями у него сложились не только теплые отношения, но и образовалась прочная духовная связь старца со своими чадами. Под влиянием этих тенденций организовывались социально значимые проекты, велась интенсивная образовательная и паломническая деятельность, а для части людей православное священнослужение стало смыслом жизни. Пример тому – деятельность о. Романа (Танга), о. Сергия (Четверикова), о. Михаила (Ридигера), о. Ростислава (Лозинского), о. Александра (Осипова). Очень точно это выразил Михаил Ридигер, тогда еще бухгалтер мебельной фабрики в Таллинне. Посетив Валаам в июне 1936 года, он благодарит о. Луку за гостеприимство. Биографическая часть письма – свидетельство типичной судьбы эмигранта: «...бежав из родной земли и живя вот уже 17 лет в Эстонии, пришлось много испытать и видеть, хорошего и тяжелого...»¹⁴ Все дальнейшее повествование письма-благодарности выражается одним словом «радость», которое автор употребляет 10 раз: радость от встречи с обителью, ее святынями, радость от таинств и молитвы, от бесед со старцами и общения с о. Лукой. Не случайно в 1938 и 1939 годах М. Ридигер, обучаясь на пастырско-богословских курсах, посещал Валаам уже с семьей, в том числе с сыном, будущим патриархом Алексием II. Вспоминая детство, патриарх отмечал, что «во многом эти два посещения определили мой жизненный путь». В памяти Алексия II остался и гостинник Лука – «внешне суровый, но душевный пастор»¹⁵. Так поездки на Валаам становились прикосновением к «истинно российской жизни, в которой православная обитель – один из ключевых образов духовной культуры русского зарубежья» [6].

Первыми посетителями Валаама из независимой Эстонии были «ревельские» и «нарвские». С 1928 года организацией поездок занимался паломнический центр, которым руководил В. И. Тирман. В православных изданиях Эстонии велась широкая информационная поддержка Валаама. Так, например, в Таллинне выходил журнал «Православный собеседник», печатавший новости с Валаама, а в Нарве выходил «Нарвский листок»¹⁶, где размещались объявления о поездках в монастырь. Активным популяризатором Валаама был преподаватель и общественный деятель М. Янсон, семья которого часто ездила на Валаам и также входила в круг респондентов о. Луки. Маршрут поездок был вариативен, но чаще выглядел так: пароход из Таллинна до Хельсинки, далее – поезд в Виппури (Выборг), оттуда – автобус до Сортавала и пароход по Ладоге до Валаама. В этот период международная

известность обители как культурно-исторического и сакрального центра православия была столь высока, что только в 1938 году «на Валааме побывали люди 26-ти национальностей, видите, как повсюду известен Валаам» [3: 148].

С началом событий Зимней войны Старый Валаам прекратил свое существование, сохраняя монашеские традиции в пространстве Ново-Валаамского монастыря. Однако связь со своими многолетними посетителями обитель не утратила. Конечно, эта связь была уже не на уровне непосредственных встреч, а в форме письменного общения, ограниченного цензурными рамками. Переписка о. Луки с А. В. Оболенским и сестрами Зиверт является точной иллюстрацией многих событий вокруг и внутри монастыря, персоналий российской эмиграции, духовничества самого старца на протяжении 1941–1951 годов. Так же как князь, сестры Светлана (Андро де Ланжерон) и Татьяна (Курсель) принадлежали к элитарной группе дореволюционного Петербурга. Покинув Россию, они пережили несколько волн эмиграции, много и часто ездили на Валаам. Сравнительный анализ писем о. Луки к этим людям позволяет выделить не только тематические линии общения, но и определить сходства и различия в адресных приоритетах автора. Ни в одном из 15 писем о. Лука не делает оценочных суждений происходящим явлениям военного и послевоенного периода. Все это скрыто за скупой формулировкой – «известные события». Единственный раз в письме князю от 16 февраля 1941 года он позволил себе фразу, полную трагического предчувствия: «Теперь так весь мир земной взволнован, что нельзя располагать на совершенное спокойствие. Часто приходится думать и о дальнейших скорбях» [2: 291]. В этом же письме о. Лука дает подробное описание «исхода» братии со Старого Валаама, где монахи уже готовились «перенести все тяжести»: растерянность старцев, состав групп, мрачность обстановки, маршрут эвакуации, бомбежки «русских аеропланов», горящие корпуса монастыря и при этом некое утешение – «гостиница целая осталась» [2: 291–292]. Перелившись вглубь Финляндии и оказавшись в тяжелых условиях выживания, монахи не прекращали «молитвенного делания», по-прежнему моля «Господа Бога, да дарует он мир миру своему» [2: 291]. Тема «Старый – Новый Валаам» присутствует практически в каждом письме о. Луки. Если Старый Валаам – это «духовная родина», где «все содействовало к возбуждению религиозного чувства» [3: 148], то Новый Валаам – это «деревня, где с Божьей помощью поустроили свою жизнь, но все не то». Пытаясь воссоздать Валаам на новом месте, братия посадила кругом цветы, в церкви разместила валаамские иконы: «Богослужения церковные справляем хорошо, по-валаамски, это и дает утешение в жизни» [3: 151]. О. Лука, лишившись

гостиничного хозяйства, нес тогда послушание в ризнице: «Стоишь за богослужением, как будто на Валааме, а выйдя, я вообразил, что нахожусь в чудных ранжереях и полях среди множества цветов» [2: 293–294].

Конечно, отсутствие гостиничного хозяйства на Новом Валааме, ограничивавшее «странноприимную» миссию монастыря, огорчало о. Луку: «Летом приезжали богомольцы прежние, валаамские, только у нас пока нет помещений для приезжающих» [3: 151]. Еще большее огорчение вызывало отсутствие «свежих сил». Монахи Старого Валаама умирали. Прочая братия болела, была изнурена тяжелыми работами, холодом, скудной пищей, внутренними «нестроениями» и неопределенностью своего положения: «Старцы переходят в загробный мир, новых сил нет, так как молодое поколение не способно к монашеской жизни по вольности духа» [3: 154]. Образ Старого Валаама не отпускал в надеждах на возвращение. Эта тема в письмах о. Луки присутствует постоянно, но интенсивность ее и характер повествований менялись под влиянием внешних факторов. Если в первые месяцы Зимней войны это «возвращение» без каких-либо хронологических рамок, то после высадки финского десанта на остров и командировки туда монахов с конца 1941 до середины 1944 года надежды на возвращение приобрели более явный характер. Примечательно, что даже в этой ситуации о. Лука оставался «странноприимцем», думал о паломниках и о той миссии, которую нес православным Старый Валаам: «...надеюсь, что Господь сподобит нас вернуться, тогда посетители, чтущие преподобных, будут посещать Святую обитель и мы совместно будем возносить благодарение Господу Богу и Его Угодникам Сергию и Герману» [3: 150]. Идеи Соборности, совместной молитвы, таинства Евхаристии служили выражением глубокого духовного значения, которое имел и должен был нести воссоздаваемый Валаам. Анализируя письма о. Луки, можно сделать вывод, что миссию служения Валаамского монастыря «миру» он видел в единении людей в православную общину монашествующих и мирян вне государственных, этнических и политических границ. В центре этого единения – Литургическая Чаша, мощи прпп. Сергия и Германа и монастырь, освященный молитвенными подвигами святых отцов. Словами старца-духовника он обращается к тем, кого раскидали по миру события XX века: «Географически мы далеко друг от друга стоим, но молитвенным духом мы соединяемся» [3: 148].

Старческое служение о. Луки особенно ярко проявилось в посланиях к сестрам Зиверт. Письма содержат важную информацию о валаамском сообществе, сложившемся из представителей российской эмиграции в паломнических поездках на Валаам. В письмах «странноприимца»

Луки, словно в монастырской гостинице, все снова собираются вместе: монахи и миряне, ближние и дальние, старые и молодые, пастыри и паства. Всех их объединяет «свет Валаама»: «...о. Михаил Ридигер писал, что он был в больнице, неудивительно заболеть, пережив такие ужасы. О. Иоанн Богоявленский и О. Александр Осипов в Ленинграде в Духовной Академии ректор и преподаватель» [3: 150]. Письма о. Луки – это и своеобразная форма взаимопомощи «единым во Христе»: «В Аргентине есть мои хорошие знакомые муж и жена, православные, много раз были на Валааме, с событиями выехали из Финляндии и устроились в Аргентине. Прилагаю их адреса, быть может, чем-либо можете быть полезны друг для друга» [3: 148]. Иногда через письма он сам разыскивает людей, чьи судьбы очень тревожат о. Луку. Так, зимой 1941 года он очень просит Татьяну Зиверт разыскать в Берлине профессора церковной истории И. А. Стратонова. Ровесник о. Луки, он был выслан из СССР на знаменитом «философском теплоходе», эмигрировал в Европу, приезжал на Валаам. В годы Второй мировой войны профессор оказался в оккупированном Париже, активно собирал гуманитарную помощь для СССР. С какой целью искал о. Лука И. А. Стратонова, от чего хотел предостеречь – из писем не известно. Однако уже вскоре профессор был арестован гестапо и погиб в концлагере.

Анализ переписки о. Луки позволяет прикоснуться к его старческой деятельности. Этому явлению православного служения иеромонаха способствовало многое: сохраненные и глубоко воспринятые о. Лукой традиции валаамского старчества, личностный опыт Богообщения, знание людей через послушание гостинника и пастырское служение, а также внешние условия, рассеявшие валаамскую «семью» по всему миру. Как когда-то свт. Игнатий (Брянчанинов), о. Лука накапливал опыт старчества через письменное общение с духовными чадами, чтобы в последний период своей жизни явить его непосредственным общением с православными в Псково-Печерском монастыре. При этом слова духовного назидания писем о. Луки не поверхностны, хотя полны искреннего утешения, не раздражают, хотя полны духовной твердости, они написаны простым, доступным языком и преисполнены христианской любви. Его духовные наставления – прямое проявление старческого опыта предшественников – помогать «сердцем внимательным». Чад, скорбящих от тягот войны и эмиграции, о. Лука наставляет в молитвенном делании: «Кто молится Господу Богу о спасении своей души и ближнего, того Господь не оставляет... сверх наших сил Господь не дает нам испытания» [3: 149]. В минуту тяжких испытаний о. Лука советует «не унывать»: «Уныние – дело тяжелое, но не придавайтесь ему, это дела врага злого духа... В Царствие Небесное нуждницы

входят» [3: 152]. На вопрос духовных чад о том, как спастись в мире, о. Лука отвечает очень просто: «Вы пишите о спасении души... Если соблюдать закон совести, то Господь внушает чрез ангела добрые мысли» [3: 150]. Многие бывшие паломники Валаама жаловались о. Луке, что лишены теперь этой возможности. На это о. Лука отвечает: «...хорошо иметь живые примеры благочестия, но когда их нет, то надо находить себе утешение в святоотеческих книгах и молитве, в леность не впадать» [3: 154]. А для душеспасительного назидания он советовал читать книги Отцов Церкви: Иоанна Златоуста, Тихона Задонского, Нила Сорского, Димитрия Ростовского. При этом излишним считал мирянам постигать аскетическую литературу, предназначенную для монахов, например произведения Исаака Сирина: «Книга хорошая, но строгого характера» [3: 149]. При первой же возможности о. Лука сам отсылал книги своим духовным детям, например, акафист прпп. Сергию и Герману¹⁷ или сборник «Умное делание. О молитве Иисусовой»¹⁸.

Сильное беспокойство о. Луки вызывало присутствие духовных чад в инославной среде Европы и Латинской Америки. Валаамские монахи, окруженные в Финляндии лютеранским большинством, прекрасно понимали духовную опасность такого соседства. На обращение Татьяны Зиверт (Курсель) к о. Луке за советом о переезде на жительство в перуанскую Лиму старец спрашивает не о материальном, а о «духовном окормлении»: «Есть ли там православный священник, какая-либо православная церковь поблизости или куда-либо можно съездить хотя бы 3 или 4 раза в год в праздники помолиться Богу и причаститься св. Христовых Таин?» [3: 151]. На вопрос о возможности молиться в католических и лютеранских храмах о. Лука дает отрицательный ответ, ссылаясь на Писание: «преподобными преподобный будешь» (Пс. 17: 26). Надо заметить, что старчество о. Луки по отношению к своим чадам имело отрадный результат. Так, например, Татьяна Зиверт (Курсель), переехав в Лиму, стала активным членом русской общины города. Не имея православного храма и священника, колония давала благотворительные концерты, собирая личные средства. Так в Лиме в 1955 году появился первый православный храм – Свято-Троицкая церковь. Богослужения в ней совершал иеромонах Серафим (Фетисов), эмигрировавший из Европы. Пристанищем ему долгие годы был дом семьи Татьяны, которая выполняла при храме послушание псаломщика.

С новой интенсивностью тема возвращения монахов на Старый Валаам проявилась в 1945 году после визита в обитель представителя Московской Патриархии митрополита Григория (Чукова). По просьбе братии он совершил над братией чин «покаяние за отступление от Материи Церкви Российской»: «20 лет жили в разделении,

все этим тяготились, теперь все молим Богу и служим вместе, по старому стилю все празднуем... очень всем нам желательно вернуться в свою обитель и закончить дни своей жизни» [2: 298]. Большое впечатление на о. Луку произвели слова митрополита о восстановлении православных традиций в советской России: «...много открыто монастырей и святые мощи возвращают в монастыри». Эти слова нашли реальное подтверждение в рассказах игумена Иеронима (Григорьева), бывшего в послевоенном Ленинграде на посвящении в сан. О. Лука делится этой радостью с духовными чадами в эмиграции: «Русские люди, как были прежде, приветливы и гостеприимны, они много всего пережили, теперь в народе большой религиозный подъем, усердно посещают церковные Богослужения, усердно молятся Богу» [3: 153]. Своеобразной иллюстрацией сказанному о. Лука приводит описания многолюдных служб в Николо-Богоявленском кафедральном соборе Ленинграда, который многие эмигранты помнили еще по петербургскому периоду. Однако о. Лука не знал, что вопрос о Валааме и возвращении монахов был предметом многолетних тяжб светских, духовных структур, причем на межгосударственном уровне. Как свидетельствуют источники, возвращение валаамцев планировалось как фактор прекращения канонических споров РПЦ и ФПЦ, но никак не на Старый Валаам. Совет по делам РПЦ при Совете Министров СССР считал, что «вопрос о монахах Валаама целесообразно было бы разрешить». В докладе заведомо Г. Т. Уткина, ближайшего помощника Г. Г. Карпова, отмечалось: «Вывоз монахов в СССР способствовал бы разрядке напряженности во взаимоотношениях между церковниками и дал бы возможность приступить к переговорам о нормализации отношений. Поскольку вывезти монахов на Валаам не представляется возможным, надо после получения разрешения вывезти их в один из действующих монастырей»¹⁹. О признании Московским Патриархатом автономии ФПЦ в 1957 году монахам объявил митрополит Крутицкий и Коломенский Николай. Это означало молитвенно-каноническое подчинение Валаамского монастыря ФПЦ и сильно «опечалило братию» [5: 332]. Дальнейшие события снова заставили делать выбор: остаться на Новом Валааме, где тяжело, но все же спокойно и стабильно, или совершить очередную «исход» в совершенно неизвестную страну, но все же Россию? Весной 1957 года о. Лука с 6 валаамцами покидает Финляндию и едет «на родину». Ему 76 лет, он 52 года жил в монастыре, покинул Российскую империю почти 40 лет назад и все годы жил в Финляндии без гражданства. О. Лука был тяжело болен физически, но духовно по-прежнему являлся «воином Христовым», какими засвидетельствовала их апостольская традиция. Переезд в СССР подвергал опасности

продолжение его переписки с духовными чадами за рубежом, а также прекращал возможность личных встреч с представителями российской эмиграции. Определить, понимал ли он это по имеющимся источникам, невозможно. Можно только догадываться, как поражали старцев картины советской России, увиденные ими из окна поезда.

Несмотря на «безбожные» пятилетки, к 1957 году на территории СССР были действующие монастыри. Однако большинство из них являлись женскими обителями. Очень неравномерной была и география расположения монастырей – преимущественно юго-западная часть СССР. Это объяснялось результатами территориальных итогов Второй мировой войны и внутригосударственного строительства в республиках, бывших в зонах немецкой и румынской оккупации. Вопрос о пребывании валаамцев был решен в пользу монастырей Молдавии. Можно предположить, что оставлять старцев в других обителях (Троице-Сергиевой и Киево-Печерской лаврах, Псково-Печерском монастыре) власти посчитали «нецелесообразным» ввиду опасной перспективы усиления религиозности населения под влиянием старцев. Нельзя не учитывать и того, что языковой барьер с монахами в Молдавии мог создавать естественную преграду в передаче традиций, в богослужении, книжности. Конечно, с историей православия в Молдавии валаамцы были хорошо знакомы: это и деятельность прп. Паисия (Величковского) с учениками, воспринятая монахами – последователями «умного делания» на Валааме; это и старчество молдавского уроженца прп. Антипы Афонского на Валааме; это и знаменитые скальные обители Молдавии, сохранявшие традиции Афона. Но с 1949 года в советской Молдавии проводилась интенсивная политика закрытия монастырей, ликвидация их хозяйств, превращения обителей в интернаты и больницы. Поэтому прибытие валаамцев в Молдавию в 1957 году не только не способствовало «молитвенному деланию» старцев, а угрожало им физической гибелью. С большими усилиями, но через несколько месяцев их удалось перевезти в Псково-Печерский монастырь²⁰.

Очередной «исход» престарелых монахов был трудным, но, как показали последующие события, своевременным. Можно предположить, что масштабная антирелигиозная кампания в СССР, начавшаяся в 1958 году, могла обернуться для них более трагичными последствиями. При всех трудностях Псково-Печерской обители, жившей под прессингом атеистического государства, там совершался полный круг богослужений, росло монашеское братство, шел непрерывный поток мирян. Таким образом, последний период своей земной жизни (1957–1968 годы) о. Лука провел в данной обители. Свидетельств о жизни старца в эти годы достаточно мало. Пока

хватало физических сил о. Лука исповедовал людей, продолжал переписку и своим поведением свидетельствовал о «правде во Христе»: «Он был добрый, горбатенький, никогда не раздражался. К нему приходили с духовными и даже житейскими вопросами – он всем старался ответить» [3: 155]. Здесь же старец принял схиму – «великий ангельский образ» и, как награду, сан игумена. Духовный опыт Старого Валаама, сохраненный старцами, передан в преемственности молодым инокам. То, что стало невозможным в Ново-Валаамской обители из-за отсутствия «свежих сил», реализовалось передачей традиции монашеского «делания» в стенах Псково-Печерского монастыря: «Эта традиция проявилась во всем – в молитве, в богослужении, в отношении братьев между собой, в пастырском окормлении верующих христиан»²¹. Усердием валаамских старцев в устав монастыря полиелейной службой с акафистом вошло почитание прпп. Сергия и Германа. Так же, как и на Старом Валааме, была заведена традиция неизменности послушания, чтобы у исполняющего его «появился навык». Валаамская обитель продолжала быть предметом утешения о. Луки: в воспоминаниях, в келейных иконах, в фотоальбоме, в молитвах к Божией Матери и прпп. Сергию и Герману. Он остался «валаамским странноприимцем», встречающим, как когда-то в валаамской гостинице, множество людей и отличающимся духовной

чуткостью к их потребностям: «Для всех у него хватало времени, энергии и любви»²². Так Валаамский монастырь, не существуя реально, был воссоздан духовно. Так продолжилась миссия монастыря в служении «миру», где гостиница – «странноприимный дом», в котором человек должен видеть «залог Христовой любви в Духе Святе» [3: 150], чувствовать «единство во Христе». Не случайно гостинник Лука называл это крестом «странноприимства».

Через 20 лет после кончины о. Луки на Валаамском острове появились первые монахи и началось возрождение обители. С созданием паломнической и гостиничной служб монастыря вопрос о пребывании на острове трудников, паломников, туристов и волонтеров не стал менее актуальным. В этой связи многомерный опыт гостинника Луки, запечатленный в воспоминаниях и письмах, имеет важный ресурс. На примере жизнедеятельности схиигумена Луки можно видеть реализацию миссии монастыря в служении «миру» в условиях XX века. Вопрос о совместимости монашества с видами активной деятельности Церкви является дискуссионным²³. Пример монашеского служения схиигумена Луки (Земскова) свидетельствует об успешной практике подобной деятельности в богословской, духовно-просветительской, организационно-административной и культурно-исторической сферах.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Шатов Д. Старчество Валаамских подвижников в XVIII–XIX вв.: Дис. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 2008 [машинопись].
- ² Тетрадь схиигумена Луки [рукопись]. Личный архив митрофорного протоиерея Олега Тэора (Псков).
- ³ Третьяков С. В., иерей. Схиигумен Лука (Земсков) // Православный христианин. Калуга, 2011. № 4. С. 17–20.
- ⁴ Матвеев А. К. Субстратная топонимия русского Севера и мерянская проблема // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 3–23.
- ⁵ Величайшая святыня. Животворящий Крест Господень. История явления и многовековое служение нашему отечеству / Сост. Е. К. Бессмертная. М.: Алгоритм, 2005. 205 с.
- ⁶ Монастыри и храмы земли Ярославской: В 3 т. / Авт.-сост. М. Шиманская, С. Метелица; Ред. Л. Шаматонova. Т. 2. Ярославль; Рыбинск: Рыбинский Дом печати, 2000. 397 с.
- ⁷ Зайцев Б. К. Сочинения: В 3 т. Т. 2 / Сост. и подгот. текста Е. Воропаевой и А. Тархова; Коммент. Е. Воропаевой. М.: Художественная литература: ТЕРРА, 1993. С. 325.
- ⁸ Хосроев А. Л. Пахомий Великий. Из ранней истории общежительного монастыря в Египте. СПб.: Нестор-история, 2004. С. 204.
- ⁹ Зайцев Б. К. Сочинения: В 3 т. Т. 2. С. 311–312.
- ¹⁰ Там же. С. 295, 310–313.
- ¹¹ Современный Зеленогорск Российской Федерации.
- ¹² Оболенский А. В. Мои воспоминания и размышления. Брюссель, 1961. С. 104.
- ¹³ Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940) / Ред. В. Г. Исаков. Тарту; СПб., 2001. С. 9.
- ¹⁴ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 762. Оп. 1. Д. 12/138. Л. 145. Письмо М. Ридигера о. Луке от 10 июля 1936 г.
- ¹⁵ Старый Валаам: воспоминания о монастыре 1914–1943 / Сост. В. Ф. Киселькова. СПб.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 2006. С. 27.
- ¹⁶ Экскурсия на Валаам // Старый нарвский листок. 1936. 18 мая. № 53.
- ¹⁷ Написан на Валааме в 1907 году архиепископом Финляндским и Выборгским Сергием (Страгородским).
- ¹⁸ Составлен и издан на Валааме в 1936 году игуменом Харитоном при содействии прот. Сергия (Четверикова).
- ¹⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 2. Д. 222. Л. 108. Доклад заведующего Центральным Отделом Совета по делам ПРЦ при Совмине СССР Г. Т. Уткина.
- ²⁰ У «пещер Богом зданных»: Псково-печерские подвижники благочестия XX века / Сост. Ю. Г. Малков, П. Ю. Малков. М.: Правило веры, 2003. 560 с.
- ²¹ Тихон (Секретарев), архим. «Главное – научить народ молиться» (pravoslavie.ru).
- ²² Вечная память почившим: схиигумен Лука (некролог) // Журнал Московской Патриархии. 1969. № 2. С. 30.
- ²³ Дионисий (Шлёнов), игум. Три монашеских обета: каноническое и богословское содержание // Монастыри и монашество: традиции и современность: Международная богословская научно-практическая конференция в Свято-Троицкой Сергиевой лавре. М.: Синодальный отдел по монастырям и монашеству Русской Православной Церкви, 2013. 224 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валаамский монастырь и его подвижники / Ред.-сост.: свящ. Александр Берташ и др. Изд. 4-е, испр., доп. СПб.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 2005. 415 с.
2. Письма Нового Валаама: Письма иеромонаха Луки (Земскова) / Публ. Т. И. Шевченко // Альфа и Омега. 2010. № 3. С. 288–299.
3. Полный Валаамский патерик: схиигумен Лука странноприимец Валаамский // Русский Паломник. 2008. № 43. С. 136–156.
4. Третьяков Сергей, свящ. Валаамские светильники духа. XX век. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2015. 800 с.
5. Шевченко Т. И. Валаамский монастырь и становление Финляндской Православной Церкви (1917–1957) / Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. 500 с.
6. Шор Т. К. «О, дивный остров Валаам!»: паломничество на Валаам в русской литературе и публицистике Эстонии в 1930-е гг. // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XII*. Мифология культурного пространства. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. С. 121–144.
7. Яровой О. А., Смирнова И. А. Валаамский монастырь и православная церковь в Финляндии: 1880–1930-е гг. (Из истории финнизации православной конфессии). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1997. 204 с.

Ruzhinskaya I. N., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

**THE HEGUMEN LUKE (ZEMSKOV):
ORTHODOX MONASTICISM IN THE REALITIES OF THE XXTH CENTURY**

The article investigates the life and spiritual ministry of hieromonk Luke (1880–1968). This example allows us to consider the evolution of the Valaam monastery under the influence of external circumstances and characteristics of internal development. Epistolary heritage of hieromonk Luke constitutes the main part of the research sources. It was been published only partly, therefore there is much to be studied yet. Systematization and comparison of documents enables the analysis of the experience of monastic obedience, prayer, a missionary to be made. The study of this experience demonstrates the continuity traditions of the Russian asceticism of the Valaam Monastery in Pskov-Pechersk monastery. The author concludes that the institution of asceticism through Valaam Monastery was the spiritual center for Russian immigrants outside political boundaries. Spiritual experience of abbot Luke is of importance today. Administrative management and pastoral-missionary forms of Luke acting as a “*gostinnik*” (a “guest”) is particularly relevant today. This is important for the organization of the pilgrimage monasteries services, for the tourism industry, for work with those who visit the shrines of the Orthodox world.

Key words: Orthodox Christianity, Valaam, monasticism, pilgrimages, institution of asceticism, Russian emigration

REFERENCES

1. *Valaamskiy monastyr' i ego podvizhniki* [Valaam Monastery and its ascetics] / Editor and compiler: svyashch. Aleksandr Bertash i dr. St. Petersburg, Spaso-Preobrazhenskiy Valaamskiy monastyr' Publ., 2005. 415 p.
2. Letters of the New Valaam: Letters of hieromonk Luke (Zemskova) [Pis'ma Novogo Valaama: Pis'ma ieromonakha Luki (Zemskova)] / Publ. T. I. Shevchenko. *Al'fa i Omega*. 2010. № 3. P. 288–299.
3. The full Valaam Patericon: hegumen Luka, a hospitable person of Valaam [Polnyy Valaamskiy paterik: skhiigumen Luka strannopriimets Valaamskiy]. *Russkiy Palomnik*. 2008. № 43. P. 136–156.
4. Tret'yakov Sergiy, svyashch. *Valaamskie svetil'niki dukha. XX vek* [Valaam spirit. The twentieth century]. Moscow, Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrya, 2015. 800 p.
5. Shevchenko T. I. *Valaamskiy monastyr' i stanovlenie Finlyandskoy Pravoslavnoy Tserkvi (1917–1957)* [Valaam Monastery and the formation of the Finnish Orthodox Church (1917–1957)] / Pravoslavnyy Svyato-Tikhonovskiy humanitarnyy universitet. Moscow, Izdatel'stvo PSTGU, 2012. 500 p.
6. Shor T. K. “On the wonderful island Valaam!”: The pilgrimage to Valaam in Russian literature and journalism of Estonia in the 1930s. [“O, divnyy ostrov Valaam!”: palomничество na Valaam v russkoy literature i publitsistike Estonii v 1930-e gg]. *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XII*. *Mifologiya kul'turnogo prostranstva*. Tartu, Tartu Ülikooli Kirjastus Publ., 2011. P. 121–144.
7. Yarovoy O. A., Smirnova I. A. *Valaamskiy monastyr' i pravoslavnaya tserkov' v Finlyandii: 1880–1930-e gg. (Iz istorii finnizatsii pravoslavnoy konfessii)* [Valamo monastery and the Orthodox Church in Finland: 1880–1930-ies (From the history of Finnianisation of Orthodox religion)]. Petrozavodsk, Karel'skiy nauchnyy tsentr RAN, 1997. 204 p.

Поступила в редакцию 01.12.2015